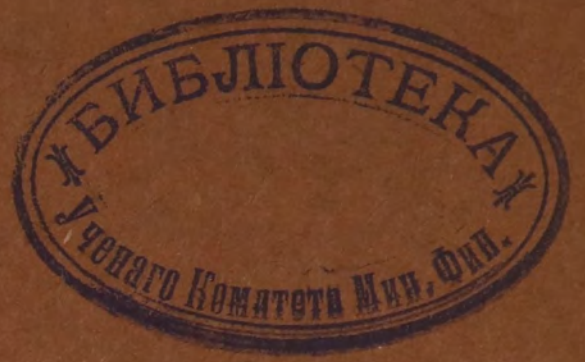
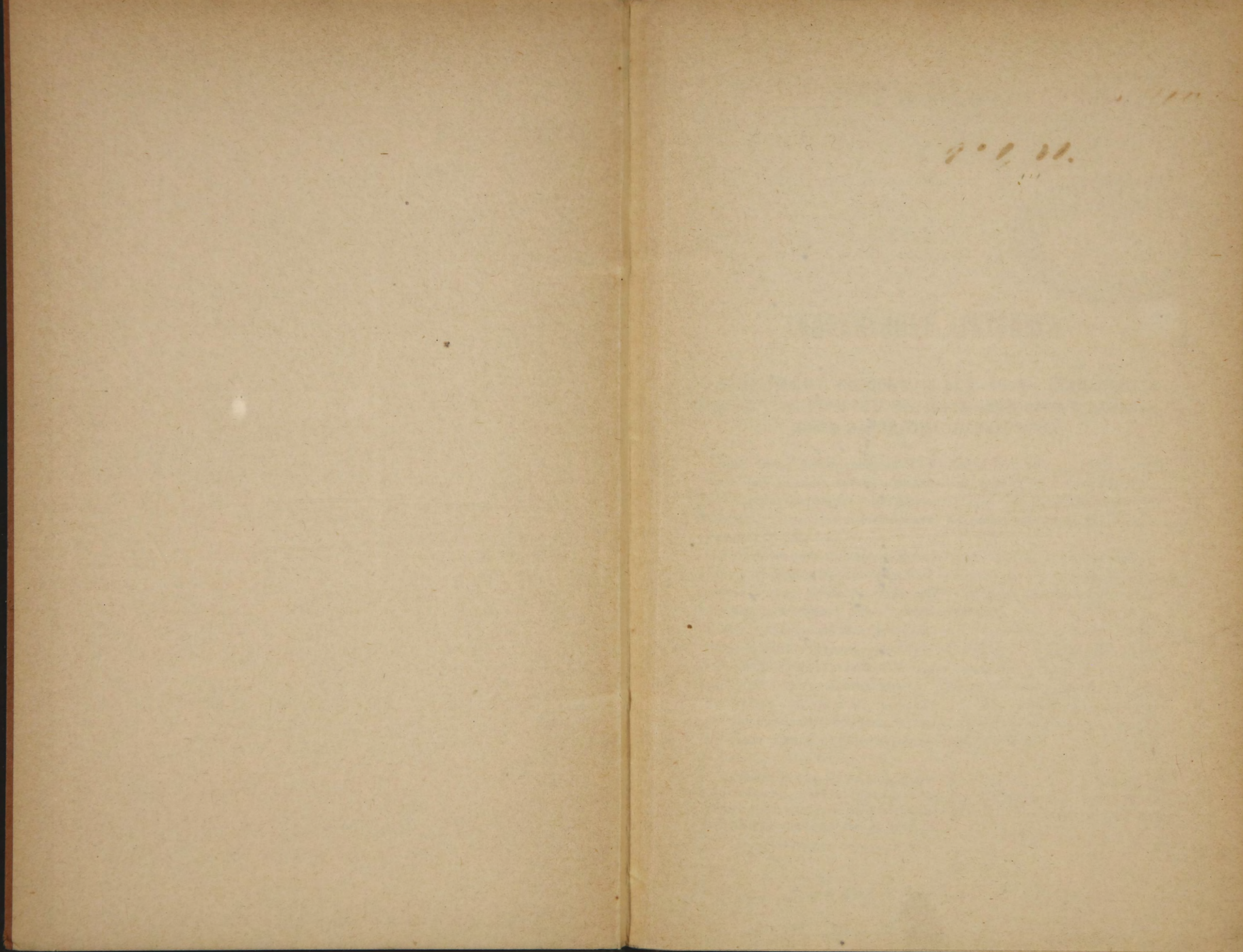

17.941.

T

18. 11. 1860

18. 11. 1860

18. 11. 1860

1494

к

Журн. Мин. Нар. Просв.

1901, VI.

71504

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

О НАИЛУЧШЕМЪ СПОСОБѢ ОБЪЕДИНЕНІЯ ДУХОВНАГО И УЧЕБНАГО ВѢДОМСТВЪ ВЪ ДѢЛѢ ПОПЕЧЕНІЯ О НАЧАЛЬНОМЪ НАРОДНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ.

Высочайше утвержденными 13-го іюня 1884 г. правилами о церковно-приходскихъ школахъ создана, какъ извѣстно, внѣ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія цѣлая обширная категория начальныхъ училищъ, подчиненныхъ исключительно вѣдѣнію православнаго духовенства ¹⁾.

Самостоятельность православнаго духовенства въ дѣлѣ завѣдыванія учрежденными имъ школами существовала по закону и ранѣе изданія правилъ 1884 г., такъ какъ она была признана еще Высочайшимъ повелѣніемъ 18-го января 1862 года. Но до изданія этихъ правилъ она давала мало практическихъ результатовъ, безъ сомнѣнія, потому что дѣло учрежденія церковныхъ школъ и управленія ими не было точно урегулировано и являлось предоставленнымъ попечительности единичныхъ членовъ причта. Правила 1884 г. восполнили этотъ недостатокъ организаціи, сосредоточивъ на учрежденіи церковно-приходскихъ школъ интересы высшаго правительства, а также создавъ и указавъ высшіе органы церковно-школьнаго управленія и положивъ

¹⁾ Нынѣ возбужденъ въ законодательномъ порядкѣ вопросъ объ изданіи общаго положенія для всѣхъ народныхъ школъ духовнаго вѣдомства. Но это обстоятельство нисколько не измѣняетъ сущности вопросовъ, обсуждаемыхъ въ настоящей статьѣ, написанной еще въ 1899 г.

5000000000 НК ССРС

такимъ образомъ прочное основаніе учрежденію школъ церковныхъ въ отличіе отъ школъ свѣтскихъ или гражданскихъ. Сверхъ того, правила 1884 г. выдѣлили въ специальное вѣдѣніе духовенства все дѣло домашняго обученія грамотности среди православнаго сельскаго населенія (такъ называемыя школы грамоты). Такимъ образомъ начальныя училища съ изданіемъ правилъ 1884 г., начала коихъ были развиты затѣмъ въ рядѣ послѣдующихъ законоположеній и распоряженій, распались въ главной своей части на двѣ отдѣльныя категоріи школъ, въ административномъ порядкѣ одна отъ другой независимыхъ.

Легче, однако, было установить эту независимость закономъ, чѣмъ сохранить ее на дѣлѣ. Представляясь тождественными по своимъ цѣлямъ, начальныя школы учебнаго и духовнаго вѣдомствъ различаются въ существѣ дѣла лишь своею подчиненностью разнымъ властямъ. Поэтому, водворившійся у насъ съ 1884 года дуализмъ школьнаго дѣла практически выразился прежде всего въ соперничествѣ учебныхъ и духовныхъ властей въ дѣлѣ учрежденія школъ. Въ предвидѣніи того, что это соперничество, ничѣмъ не ограниченное, можетъ привести къ тому, что, при чрезмѣрномъ усердіи низшихъ органовъ администраціи, школы одного вѣдомства будутъ открываться прямо въ подрывъ школамъ другого вѣдомства, духовное и учебное начальства, по взаимному соглашенію, приняли за правило, чтобы въ мѣстности, гдѣ уже существуетъ школа одного вѣдомства, школа другого вѣдомства была учреждаема лишь по соглашенію съ первымъ вѣдомствомъ (не распространяя, однако, этого правила на учрежденіе школъ грамотности). Въ практическомъ своемъ примѣненіи это распоряженіе встрѣтило много затрудненій, такъ какъ во 1, самое понятіе мѣстности допускаетъ разныя толкованія (волость, приходъ, сельское общество, селеніе), и, понимаемое даже въ тѣснѣйшемъ своемъ смыслѣ, какъ понятіе селенія, не разрѣшаетъ вопроса удовлетворительно: есть селенія столь многолюдныя, что въ нихъ могутъ и должны быть нѣсколько школъ, а между тѣмъ существованіе тамъ школы одного вѣдомства уже даетъ ему поводъ препятствовать открытію новой школы другого вѣдомства. Во 2, такъ какъ закрытіе уже учрежденной школы есть дѣло, во всякомъ случаѣ, непріятное и нежелательное, то нарушеніе этого правила чинами того или другого вѣдомства приводило и приводитъ обыкновенно лишь къ безплодной канцелярской перепискѣ. Поэтому, до сего времени оба вѣдомства взаимно упрекаютъ одно другое въ несоблюденіи сказаннаго правила,—какое изъ вѣдомствъ съ большимъ и какое съ меньшимъ основаніемъ, мы рѣ-

шать не будемъ. Но если даже допустить, что это правило оградило интересы существующихъ уже школъ того и другого вѣдомства (хотя нерѣдко стѣсняя возможность умноженія ихъ въ числѣ), то за симъ все-таки осталось много другихъ областей для нежелательнаго ихъ соперничества. При учрежденіи новаго училища—состязаніе, доходящее нерѣдко до интригъ, изъ за того, въ какомъ вѣдомствѣ должно оно находиться, самовольная передача училищъ изъ одного вѣдомства въ другое вслѣдствіе случайныхъ неудовольствій на распоряженіе начальства или даже просто для того, чтобы облегчить себѣ издержки по содержанію школъ, а съ другой стороны—упорный отказъ въ этой передачѣ, даже если бы она по обстоятельствамъ была желательна,—къ этимъ явленіямъ школьной и общественной жизни до изданія правилъ 1884 года не существовало никакого повода. Нѣтъ сомнѣнія, что тѣмъ самымъ не только внѣшнимъ образомъ тормозится дѣло развитія у насъ начального образованія, но—что еще гораздо важнѣе—создается внутренняя рознь между его дѣятелями, поселяющая въ обществѣ недоувѣріе—въ одной его части къ свѣтской, въ другой—къ церковной школѣ.

Нужно замѣтить, притомъ, что эта внутренняя рознь ложится особенно тяжело на вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія еще по той причинѣ, что она создаетъ ему союзниковъ вовсе для него нежелательныхъ. Несомнѣнно, что въ нашемъ образованномъ обществѣ есть кружки и направленія антицерковные, стремящіеся по мѣрѣ своихъ силъ расторгнуть естественный и благотворный для школы союзъ ея съ церковью. Въ настоящее время, изъ оппозиціи церковно-приходскимъ школамъ, эти кружки и направленія объявляютъ себя сторонниками школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, чѣмъ дѣйствительно можетъ создаваться видимость нежелательной для этого вѣдомства противуцерковности его школъ.

Понятно, поэтому, что вслѣдъ за изданіемъ правилъ 1884 года въ правительственныхъ сферахъ долженъ былъ возникнуть вопросъ объ объединеніи и согласованіи дѣйствій обоихъ вѣдомствъ, между которыми оказалось раздѣленнымъ попеченіе о начальномъ народномъ образованіи. Вопросъ этотъ совпадаетъ съ вопросомъ о разграниченіи областей дѣятельности того и другого вѣдомства, такъ какъ, покуда они будутъ заниматься однимъ и тѣмъ же, по существу своему, дѣломъ, взаимное вмѣшательство каждаго изъ нихъ въ дѣла другого, а слѣдовательно, и поводы къ пререканіямъ, останутся не пресѣченными. Духовное вѣдомство указывало, повидимому, наиболѣе простой

и естественный способъ такого разграниченія, а именно передачу въ его вѣдѣніе начальнаго образованія православнаго населенія съ тѣмъ, чтобы на министерствѣ народнаго просвѣщенія осталось попеченіе о школахъ лишь для населенія иновѣрческаго. Должно сознаться, что этотъ способъ разрѣшенія вопроса логически вытекаетъ изъ самаго факта созданія особой и самостоятельной категоріи церковныхъ школъ. Хотя въ школы духовнаго вѣдомства православнаго исповѣданія не возбраненъ доступъ иновѣрцамъ, но само собою разумѣется, что нельзя требовать отъ иновѣрцевъ посѣщенія этихъ школъ и воспрепятствовать имъ имѣть свои школы, не подвѣдомыя духовенству чуждаго имъ вѣроисповѣданія. Слѣдовательно, несомнѣнно, что внѣ вѣдѣнія духовенства православнаго исповѣданія должны оставаться школы для всей той части иновѣрческаго населенія Имперіи, которая не желаетъ учить своихъ дѣтей въ православныхъ церковныхъ школахъ; стало быть иновѣрческія школы должны по прежнему оставаться въ томъ вѣдомствѣ, которому онѣ подчинены нынѣ, т. е., въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія. За симъ, если изданіе правилъ 1884 года имѣло какую-либо внутреннюю положительную цѣль, то такую цѣлью могло служить лишь болѣе правильное и успѣшное, чѣмъ то было ранѣе, воспитаніе дѣтей въ духѣ православія. Коль скоро мы признаемъ, что эта цѣль столь же удовлетворительно достигалась и ранѣе, при состояніи всѣхъ школъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, то станетъ непонятнымъ внутренній мотивъ къ учрежденію особой категоріи церковныхъ школъ. Если же внутреннимъ основаніемъ состоянія извѣстнаго числа начальныхъ школъ въ вѣдѣніи православнаго духовенства является меньшая успѣшность религіознаго воспитанія православныхъ дѣтей въ школахъ, подвѣдомыхъ министерству народнаго просвѣщенія, то не видно причины вообще оставлять въ вѣдѣніи этого министерства школы для дѣтей православнаго вѣроисповѣданія, но надлежитъ всѣ эти школы передать въ духовное вѣдомство. И такъ, повторяемъ, распредѣленіе школъ по вѣроисповѣданію учащихся между учебнымъ и духовнымъ вѣдомствами является логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ мотивовъ, которые вызвали изданіе правилъ 1884 года.

Укрѣпленіе религіозно-нравственныхъ началъ въ учащихся дѣтяхъ составляетъ, безъ сомнѣнія, главную задачу народной школы. Народная нравственность неизмѣримо выше и цѣннѣе высокаго уровня народныхъ знаній, такъ какъ общество людей, хотя и мало свѣдущихъ, но честныхъ, трудолюбивыхъ, трезвыхъ, попечительныхъ о

своихъ семействахъ, конечно, гораздо лучше устроить свой бытъ, чѣмъ общество, состоящее изъ обладающихъ весьма большими знаніями плутовъ, лѣнтыевъ, пьяницъ, невѣрныхъ супруговъ и небрежныхъ родителей. За симъ можно признать за аксіому, что нравственность народа стоитъ и падаетъ сообразно прочности его религіозныхъ вѣрованій, при томъ вѣрованій, опирающихся не на отвлеченное мышленіе, но на незыблемый авторитетъ церкви. Поэтому, если бы оказалось справедливымъ то положеніе, что церковно-приходская школа дѣйствительно лучше воспитываетъ русскихъ дѣтей въ духѣ православія, чѣмъ школа свѣтская, то сопротивленіе учебнаго вѣдомства передачѣ всѣхъ школъ для православнаго населенія въ вѣдомство духовное было бы дѣйствиємъ не только логически—непоследовательнымъ, но прямо преступнымъ. Отсюда само собою вытекаетъ, что, стремясь по прежнему сохранить за собою право учреждать и вѣдать школы для православнаго населенія, министерство народнаго просвѣщенія выражало тѣмъ свое несогласіе съ самымъ принципомъ, лежавшимъ въ основѣ учрежденія церковныхъ школъ, т. е., съ тѣмъ положеніемъ, что эти школы, какъ таковыя, суть, сравнительно со школами учебнаго вѣдомства, лучшіе разсадники и охранители духа православія.

Защитники преимуществъ школъ духовнаго вѣдомства передъ школами учебнаго вѣдомства склонны сводить противоположность между этими вѣдомствами къ противоположности *церкви и государства*. Ничто не можетъ быть ошибочнѣе такого взгляда. Очевидно, что духовное вѣдомство, хотя оно вѣдаетъ дѣла церкви, есть учрежденіе государственное, ибо государство даетъ ему и средства изъ казны и потребную мѣру внѣшней власти. Подчиненіе этому вѣдомству школъ, т. е., предоставленіе духовенству внѣшней власти надъ школами и снабженіе его матеріальными способами осуществленія этой власти, есть, очевидно, государственный актъ, для церкви, какъ таковой, въ тѣсномъ ея понятіи, неосуществимый, ибо церковь, какъ таковая, безъ содѣйствія государства, можетъ опираться лишь на свободное согласіе людей и на ихъ добровольныя пожертвованія. Отсюда ясно, что если издается законъ объ учрежденіи школъ въ духовномъ вѣдомствѣ или, тѣмъ паче, о подчиненіи этому вѣдомству всѣхъ школъ для дѣтей православнаго вѣроисповѣданія, то эти школы остаются столько же въ подчиненіи государственной власти, сколько были и есть въ этомъ подчиненіи школы вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Такимъ образомъ такъ называемыя церков-

ныя школы никакъ не могутъ считаться чѣмъ то, существующимъ внѣ государства. Съ другой стороны, школы, учрежденныя въ учебномъ вѣдомствѣ для православнаго населенія, могли бы считаться состоящими внѣ церкви въ такомъ государствѣ, въ которомъ православіе есть вѣроисповѣданіе гонимое или только терпимое. Но въ русскомъ государствѣ, въ которомъ оно есть вѣроисповѣданіе господствующее, государственное, такой внѣцерковности православныхъ школъ существовать не можетъ. По идеѣ этого государства оно само находится въ церкви, какъ церковь находится въ немъ, т. е., союзъ церковный и союзъ государственный суть для Россіи двѣ нераздѣльныя стороны ея народности, — одна внутренняя, другая внѣшняя. Слѣдовательно, православная школа русскаго государства въ какомъ бы вѣдомствѣ она ни находилась, есть школа столь же состоящая въ церкви, какъ и школа собственно духовнаго вѣдомства. Развѣ отецъ семейства, хотя бы онъ былъ человѣкъ свѣтскаго званія и не находился на службѣ по духовному вѣдомству, воспитывая дѣтей своихъ въ началахъ православія, и самъ состоять и дѣтей держать внѣ церкви? Почему же учитель, коему въ школѣ въ извѣстной мѣрѣ передаются права и обязанности отца, оказывается воспитывающимъ дѣтей внѣ церкви только по той причинѣ, что этотъ учитель не есть ни священникъ, ни вообще должностное лицо духовнаго вѣдомства? Такимъ образомъ, какъ школы духовнаго вѣдомства не перестаютъ еще быть отъ того, по внѣшнему своему строю, учрежденіями государственными, такъ школамъ учебнаго вѣдомства, несмотря на внѣшнюю подчиненность свою свѣтскому начальству, ничто не препятствуетъ быть, по внутреннему своему духу, учрежденіями церковными; и, слѣдовательно, сводить различіе этихъ двухъ типовъ школъ къ противоположности церкви и государства нѣтъ никакого основанія.

Итакъ по общей идеѣ школу учебнаго вѣдомства, какъ таковую, отнюдь нельзя считать находящеюся внѣ церкви и, слѣдовательно, плохо исполняющею задачу воспитанія дѣтей въ духѣ православія. Но, быть можетъ, въ частномъ примѣненіи именно къ школамъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, эта общая идея почему либо искажается или потемняется? Если это такъ, то надлежитъ выяснить причину такого недуга школы и указать средства ея исцѣленія отъ него. Но во всякомъ случаѣ позволительно заранѣе сказать, что такимъ средствомъ не можетъ служить передача школы изъ учебнаго въ духовное вѣдомство, и вотъ по какимъ соображеніямъ. Если долженствующія существовать по идеѣ неразрывная связь и

внутреннее единство между русскимъ государствомъ и церковію въ дѣйствительности въ томъ или иномъ отношеніи нарушены, т. е., если государство какъ бы до извѣстной степени отрѣшается отъ церкви, является менѣе православнымъ, чѣмъ оно должно бы было быть, то эта меньшая церковность государства должна непременно отразиться и на томъ государственномъ вѣдомствѣ, которое вѣдаетъ дѣлами церкви, т. е., на вѣдомствѣ духовномъ. Въ той мѣрѣ, въ какой государство отрѣшается отъ духа церкви, въ немъ получаютъ излишній перевѣсъ способы дѣйствія чисто полицейскіе, т. е. посредствомъ внѣшней силы; и эти способы дѣйствія, отражаясь на всѣхъ государственныхъ вѣдомствахъ, отражаются и на вѣдомствѣ церковномъ, внося въ самую церковную жизнь народа несоотвѣтственные понятію церкви приемы. Церковь, какъ союзъ единовѣрія, опирается на свободное убѣжденіе и добровольную покорность ея авторитету; государственное же вѣдомство, правящее церковными дѣлами, употребляетъ и мѣры принужденія. Возможно—мы не беремся здѣсь этого рѣшать, — что безъ такихъ мѣръ практически нельзя обойтись. Но если это и такъ, то во всякомъ случаѣ въ интересахъ самой церкви желательно, чтобы означенныя мѣры были приведены къ безусловно необходимому минимуму, т. е., чтобы безъ крайней необходимости не была увеличиваема внѣшняя, видимая власть церкви въ принятомъ ею образѣ государственнаго вѣдомства. Между тѣмъ защитники церковно-приходскихъ школъ настаиваютъ именно на увеличеніи этой внѣшней власти и, стало быть, стремятся усугубить то поврежденіе государства и церкви, на которое сами жалуются. Передача всѣхъ начальныхъ школъ для православнаго населенія во власть духовнаго вѣдомства равносильна запрещенію учить православныхъ дѣтей въ начальной школѣ иначе, какъ подъ исключительнымъ надзоромъ духовенства. На какомъ основаніи можетъ быть предоставлена духовенству такая исключительная власть? Духовенству присвоено, безъ сомнѣнія, право учить; но чтобы это право исключало такое же право всякаго, кто не принадлежитъ къ духовенству или не состоитъ у него во внѣшнемъ служебномъ подчиненіи, ни изъ чего не видно. Если принять такое положеніе, то придется все дѣло обученія православнаго юношества и въ высшихъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ подчинить духовному вѣдомству, распространивъ также власть его и на домашнее обученіе не только сельскаго, но и всего православнаго населенія. Очевидно, что такая власть только потрясла бы внутренній авторитетъ церкви, замѣнивъ естественную и за-

конную мѣру свободнаго вліянія ея іерархіи на прихожанъ внѣшнимъ, полицейскимъ надзоромъ. По обычному и правильному взгляду предполагается, что православный учитель или отецъ семейства самъ учитъ и воспитываетъ дѣтей въ духѣ православія; но такъ какъ онъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ менѣе свѣдущъ въ ученіи православно-христіанской вѣры и нравственности, чѣмъ лицо духовное, то онъ обращается къ указаніямъ этого лица именно по вопросамъ этого ученія, дабы избѣгнуть ошибокъ въ его пониманіи и примѣненіи. Такъ до сихъ поръ смотрѣло и наше законодательство на функцію духовенства въ дѣлѣ общественнаго образованія и воспитанія. Не отдавая школъ во власть духовнаго вѣдомства, оно вводило самое духовенство въ составъ школьнаго управленія, предоставляя ему преподаваніе въ училищахъ Закона Божія и право контроля за правильнымъ исполненіемъ учащимися ихъ религіозныхъ обязанностей. Только въ послѣднее время возникла тенденція — и именно въ отношеніи къ народной школѣ — расширить эту функцію до предѣловъ, не имѣющихъ основанія ни въ правилахъ, ни въ интересахъ самой церкви.

Что мнѣніе, будто лишь начальная школа духовнаго вѣдомства въ надлежащей мѣрѣ гарантируетъ воспитаніе дѣтей въ православномъ духѣ, не представляется достаточно убѣдительнымъ, признано въ послѣднее время и высшею правительственною властію, которая нашла нужнымъ установить начало самостоятельнаго завѣдыванія обоихъ вѣдомствъ подчиненными имъ школами (Высочайшее повелѣніе 26-го мая 1897 года, п. 3). Этимъ Высочайшимъ повелѣніемъ отклоняется мысль о сосредоточеніи всѣхъ школъ для православнаго населенія въ духовномъ вѣдомствѣ и, слѣдовательно, признается религіозно-нравственная доброкачественность учебнаго вѣдомства. Но если такъ, то двураздѣльность завѣдыванія школами представляется лишненною достаточного основанія, такъ какъ не усматривается причины создавать и терпѣть указанныя выше административныя неудобства и производить двойные расходы по управленію школами и надзору за ними, если учебному вѣдомству могутъ быть съ довѣріемъ вручены всевозможныя начальныя училища. Очевидно, поэтому, что признаніе правительствомъ существующаго порядка завѣдыванія школами есть законодательный актъ не окончательный, но временный, не могущій имѣть значенія принципіальнаго рѣшенія вопроса, такъ какъ существованіе на ряду съ начальными училищами вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія особой категоріи школъ

духовнаго вѣдомства, безъ какого-либо внутренняго мотива такой двойственности, представляется ничѣмъ не обоснованнымъ. Приведенное Высочайшее повелѣніе, сохраняя права обоихъ вѣдомствъ по завѣдыванію начальными училищами, какъ бы указываетъ, тѣмъ самымъ, на то, что само правительство, не имѣя еще данныхъ для окончательнаго рѣшенія сказаннаго вопроса, предоставляетъ пока обоимъ вѣдомствамъ, въ мирномъ состязаніи на пользу народнаго образованія, обнаружить задатки жизненности своихъ школъ. Но естественно, что, по обнаруженіи этихъ задатковъ, тѣмъ или другимъ школамъ должно будетъ быть отдано предпочтеніе, и что, слѣдовательно, вопросъ объ объединеніи подвѣдомственности школъ для православнаго населенія рано или поздно выступить на обсужденіе.

По нашему мнѣнію, такое объединеніе и нынѣ было бы вполне своевременнымъ и благодѣтельнымъ, если бы, вмѣсто вопроса о ничѣмъ не вызываемой передачѣ этихъ школъ изъ учебнаго въ духовное вѣдомство, былъ возбужденъ вопросъ объ устраненіи изъ дѣйствующаго положенія о начальныхъ училищахъ (1874 года) всего того, что прямо или косвенно можетъ ограничивать вліяніе духовенства на школу. Мы говоримъ здѣсь о положеніи 1874 г. какъ потому, что имъ руководствуется огромное большинство школъ въ мѣстностяхъ съ сплошнымъ русскимъ православнымъ населеніемъ, такъ и потому, что потребныя въ немъ, по нашему мнѣнію, измѣненія легко могутъ быть примѣнены и къ школамъ, устроеннымъ на основаніи иныхъ уставовъ или положеній.

Довольно странно, что, несмотря на слишкомъ 25 лѣтъ, протекшихъ со времени изданія этого положенія, способъ непосредственнаго завѣдыванія подчиненными ему школами до сихъ поръ на практикѣ и не вполне выясненъ, и не вполне осуществленъ. Между тѣмъ онъ ясно указанъ въ положеніи: ближайшее завѣдываніе школою возлагается на ея попечителя, который является лицомъ, отвѣтственнымъ за порядокъ въ школѣ во всѣхъ отношеніяхъ (Св. Зак. т. XI, ч. I, изд. 1893 года, ст. 3481 и 3482). Итакъ попечитель есть ближайшій, непосредственный начальникъ школы. Отсюда ясно слѣдуетъ, во-первыхъ, что при всякой школѣ долженъ быть попечитель, ибо иначе школа останется безъ лица, ею завѣдывающаго, всесторонне отвѣчающаго за порядокъ въ ней (учитель не можетъ быть такимъ лицомъ, такъ какъ такой всесторонней отвѣтственности законъ на него не возлагаетъ). Во-вторыхъ, что попечитель школы вовсе не есть лицо, завѣдывающее одною хозяйственною частью школы, какъ бы ея эконо-

номъ, а равнымъ образомъ, вовсе не есть какой-либо, безразличный для школы, жертвователъ или благодѣтель, вся функція котораго сводится къ тому, что онъ оказываетъ ей матеріальную помощь: онъ завѣдываетъ всѣмъ строемъ школы, какъ завѣдываетъ гимназіею ея директоръ, и долженъ быть настолько на мѣстѣ, при школѣ, на сколько то требуется для завѣдыванія ею. Эти требованія относительно попечителей школъ постоянно предъявлялись министерствомъ народнаго просвѣщенія и подкрѣплены неоднократными разъясненіями правительствующаго сената ¹⁾. Между тѣмъ, до сихъ поръ есть множество школъ, не имѣющихъ попечителей; до сихъ поръ, нерѣдко—и даже иногда со стороны органовъ учебнаго вѣдомства—высказывается ни на чемъ не обоснованное мнѣніе, будто попечитель имѣетъ право вмѣшиваться лишь въ хозяйственную часть школы; до сихъ поръ нерѣдки случаи, что попечитель хронически отсутствуетъ въ мѣстѣ нахожденія его школы, дѣлая только — и то не всегда — пожертвованія деньгами или натурою на ея содержаніе. Намъ кажется, что такое неисполненіе закона въ отношеніи къ непосредственному завѣдыванію школами зависитъ отъ слѣдующихъ главныхъ причинъ: 1) отъ неполной ясности самого закона. Въ законѣ сказано, что обществамъ и учрежденіямъ, содержащимъ школу, предоставляется избирать для нея попечителя (ст. 3181). Выраженіе „предоставляется“, по буквальному его смыслу, можно дѣйствительно понимать, какъ указаніе лишь на право, а не на обязанность, вслѣдствіе чего учредители школъ долгое время не признавали существованія попечителя въ школѣ обязательнымъ. Но отсюда проистекало то послѣдствіе, что при школѣ не оказывалось лица, непосредственно ею завѣдывающаго и отвѣчающаго за порядокъ въ ней. 2) Отъ нѣкотораго опасенія излишняго вліянія попечителя на школу какъ со стороны самого училищнаго начальства, такъ и со стороны учредителей школы. Несомнѣнно, что инспектору народныхъ училищъ во многихъ случаяхъ удобнѣе и легче воздѣйствовать прямо на учителя школы, лицо зависимое отъ него въ своемъ служебномъ положеніи, чѣмъ распорядиться чрезъ посредство попечителя, котораго онъ не можетъ устранить отъ должности, и который нерѣдко по своему общественному положенію гораздо выше и вліятельнѣе инспектора. Съ другой стороны, земства, представляющія собою главную обществен-

¹⁾ Указы правительствующаго сената 13-го іюля 1889 г. и 5-го декабря 1891 года.

ную силу въ отношеніи начальныхъ школъ, относятся благопріятно къ существованію при школѣ попечителя обыкновенно лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда этотъ попечитель является всецѣло зависимымъ отъ нихъ органомъ. Тамъ же, гдѣ достигнуть этой зависимости имъ почему-либо не удается, земствамъ естественно нѣтъ основанія желать существованія при школѣ должностнаго лица, съ которымъ нужно считаться, какъ съ самостоятельной силою. 3) Отъ отсутствія во многихъ мѣстностяхъ лицъ, соотвѣтствующихъ по своему умственному и нравственному развитію условіямъ, удовлетворяющимъ требованіямъ отъ попечителя школы. 4) Отъ желанія учредителей школы и самого училищнаго начальства увеличить средства школы, послѣдствіемъ чего является стремленіе найти въ попечителѣ жертвователя на школу, хотя бы даже онъ не желалъ и не могъ принимать участія въ управленіи ею.

Всѣ эти соображенія устраняются, однако, какъ правильнымъ истолкованіемъ закона, такъ и пониманіемъ истинныхъ потребностей школы. Принимая во вниманіе, что въ изложеніи нашихъ законовъ терминъ „предоставляется“ нерѣдко бываетъ употребляемъ въ значеніи возложенія обязанности, а также общій смыслъ законоположеній о попечителяхъ школъ, правительствующій сенатъ, какъ упомянуто выше, разъяснилъ, что при каждой школѣ обязательно долженъ быть попечитель; и послѣ этого разъясненія отсутствіе попечителя при школѣ должно уже считаться нарушеніемъ закона. Что касается, за симъ, положенія попечителей школъ въ отношеніи къ инспекціи и учредителямъ школъ, то казалось бы, что именно правильная постановка функціи попечителя способна водворить какъ надлежащее равновѣсіе правительственныхъ и общественныхъ органовъ въ ихъ воздѣйствіи на школу, такъ до извѣстной мѣры обезпечить и извѣстную самостоятельность учителей отъ произвола этихъ органовъ. Являясь лицомъ, завѣдывающимъ школою, попечитель есть та инстанція, къ которой непосредственно должны направлять свои заявленія и училищное начальство и учредители школы, какъ бы буфферъ между ними, устраняющій необходимость ихъ взаимныхъ столкновеній и пререканій. Черезъ него же должны восходить къ подлежащимъ органамъ ходатайства о нуждахъ школъ и со стороны ихъ учителей, что опять-таки способствуетъ устраненію тѣхъ же столкновеній и пререканій. Довольно указать, напримѣръ, на слѣдующіе вопросы, гораздо удобнѣе разрѣшаемые при посредствѣ попечителей, чѣмъ безъ него: 1) Назначеніе учителей. Законъ не опредѣляетъ

какихъ-либо правъ учредителей школъ на выборъ учителей; но распоряженіемъ министерства народнаго просвѣщенія, послѣдовавшимъ въ 1875 г., установлено, что допущеніе инспекторомъ тѣхъ или иныхъ лицъ къ исполненію учительской должности должно происходить по соглашенію съ учредителями. Но учредители школъ суть по большей части личности коллективныя (земства и общества городскія и сельскія), обыкновенно вовсе не обладающія ни правильною организаціею для выбора учителей, ни надлежащею компетентностію въ оцѣнкѣ ихъ педагогическихъ качествъ. Поэтому соглашеніе инспектора съ учредителями сводится по большей части къ тому, что лица, вліятельныя въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи, навязываютъ школамъ покровительствуемыхъ имъ кандидатовъ, а инспекторъ пассивно допускаетъ ихъ, вовсе ихъ не зная, такъ какъ съ формальной стороны ничего противъ нихъ возразить не можетъ. Вслѣдствіе того учительскія должности замѣщаются лицами, о педагогическихъ способностяхъ которыхъ не знаютъ ни инспекція школъ, ни ихъ учредители. Правда, эти лица утверждаются въ должностяхъ лишь черезъ годъ, по удостовѣренію инспектора въ ихъ пригодности. Но если сообразить, что во многихъ школахъ своего раіона инспекторъ въ теченіе года не успѣваетъ побывать и что вообще болѣе одного раза въ годъ онъ крайне рѣдко бываетъ, въ одной и той же школѣ, то значеніе инспекторскаго удостовѣренія по отношенію къ учителю весьма умаляется. Поэтому было бы гораздо правильнѣе, чтобы соглашеніе инспектора по отношенію къ кандидатамъ въ учителя происходило съ попечителемъ школы, лицомъ за нее отвѣтственнымъ и во всякомъ случаѣ, по самой своей должности, болѣе знакомымъ со школьнымъ дѣломъ, чѣмъ большинство земцевъ или гласныхъ думы. Конечно, мотивы, основанные на протекціи вліятельныхъ лицъ, при этомъ не устранятся. Но дѣло въ томъ, что инспекторъ обязанъ считаться съ этими мотивами, потому что безъ согласія учредителей онъ не можетъ допустить учителя въ школу, тогда какъ попечитель, если ему будетъ присвоено право голоса въ выборѣ учителя, такой обязанности нести не будетъ. При томъ, если попечитель школы будетъ нести за нее ту отвѣтственность, которая возложена на него по закону, то ему легче будетъ, чѣмъ инспектору, оказывать противодѣйствіе непрошеннымъ вліаніямъ въ дѣлѣ выбора учителя. Нынѣ, если этотъ выборъ неудаченъ, то никто не винитъ за него инспектора, такъ какъ всякій понимаетъ, что, завѣдывая сотнею или болѣе школъ, онъ не можетъ всецѣло отвѣчать за каждую. Попечи-

тель же, при гораздо большей ограниченности своего круга дѣйствій, можетъ нести отвѣтственность гораздо болѣе прямую и опредѣленную. Въ этихъ видахъ было бы весьма полезно измѣненіе министерскаго распоряженія въ томъ смыслѣ, чтобы соглашеніе инспектора по избранію учителей было соглашеніемъ его съ попечителемъ школы; на такое измѣненіе министерство народнаго просвѣщенія имѣетъ полное право, такъ какъ, повторяемъ, законъ не указываетъ обязательнаго для училищнаго начальства порядка въ дѣлѣ допущенія къ учительскимъ должностямъ. Изъ сказаннаго же выше видно, насколько полезна для инспекціи правильно поставленная дѣятельность попечителя и при опредѣленіи пригодности учителя въ теченіе пробнаго года; такъ какъ, при рѣдкомъ посѣщеніи школъ инспекторомъ, попечитель школы является почти единственнымъ лицомъ, могущимъ, какъ должно, контролировать работу учителя. 2) Хозяйственныя нужды училищъ. При современномъ положеніи дѣла принудить содержателей школы надлежащимъ образомъ исполнять принятыя ими на себя обязательства по отношенію къ школамъ никто не въ состояніи. Но если предположить (какъ это бываетъ въ большинствѣ случаевъ), что земства и общества не уклоняются, по мѣрѣ средствъ своихъ, отъ вспоможенія школамъ, то наиболѣе пригоднымъ органомъ для содѣйствія исправному поступленію этихъ вспоможеній является, конечно, попечитель школы. Инспекторъ или члены училищнаго совѣта посѣщаютъ школу рѣдко, поэтому ея нужды узнаются ими по большей части изъ вторыхъ рукъ, и, сверхъ того, нельзя даже и требовать, чтобы они сосредоточивали главное свое вниманіе именно на данной школѣ. Учитель школы — лицо слишкомъ зависимое отъ начальства, слишкомъ мало-авторитетное по своему общественному положенію и слишкомъ занятое исполненіемъ своихъ служебныхъ обязанностей, чтобы онъ могъ быть вліятельнымъ и энергическимъ ходатаемъ о нуждахъ школы. Попечитель же имѣетъ въ данномъ случаѣ то преимущество предъ инспекторомъ, что онъ гораздо постояннѣе и тѣснѣе связанъ именно съ данною школою, за порядокъ которой отвѣчаетъ, а предъ учителемъ то, что онъ поставленъ гораздо самостоятельнѣе и авторитетнѣе его. Наконецъ 3) теченіе всей школьной жизни совершается гораздо правильнѣе, когда надъ школою стоитъ уважаемое и вліятельное лицо изъ мѣстныхъ жителей, избавляющее учителя отъ необходимости непосредственныхъ съ ними столкновеній, могущее способствовать болѣе исправному посѣщенію школы дѣтьми и наблюдающее за самимъ учителемъ. Для послѣд-

няго также лучше имѣть дѣло съ однимъ начальникомъ, чѣмъ съ десятию, да при томъ законъ и не предоставляетъ попечителю такой власти надъ учителемъ, противъ которой онъ былъ бы безправенъ.

Отсутствіе во многихъ мѣстностяхъ лицъ, пригодныхъ для занятія должности попечителя школы, можетъ быть въ значительной степени устранено принятіемъ той мѣры, о которой мы сейчасъ будемъ говорить. Что же касается того мотива къ искаженію указаннаго закономъ назначенія попечителя, который зависитъ отъ желанія во что бы то ни стало привлечь пожертвованія на школьное дѣло, то его едва-ли можно считать серьезнымъ. Лица, искренно сочувствующія этому дѣлу, безъ сомнѣнія будутъ продолжать свои пожертвованія и безъ приманки ихъ кличкою попечителя. Для лицъ же, которыхъ побуждаетъ къ такимъ пожертвованіямъ тщеславіе, эта приманка весьма ничтожна, такъ какъ званіе попечителя не даетъ никакихъ служебныхъ правъ и преимуществъ. Поэтому, случаи, когда школа страдаетъ отъ того, что какой-либо благотворитель откажетъ ей въ подачкѣ вслѣдствіе неназначенія его попечителемъ, явятся, безъ сомнѣнія, единичными исключеніями; и лучше примириться съ такими исключеніями, чѣмъ нарушить законъ, соблюденіе котораго въ высшей степени полезно для всякой школы.

Сказанное нами о необходимости поддерживать въ полной силѣ требованія закона о попечителяхъ школъ имѣетъ, по нашему мнѣнію, слѣдующую связь съ установленіемъ правильнаго отношенія духовенства къ школѣ. Положеніе 1874 года дѣйствительно слишкомъ ограничиваетъ, такъ сказать, специализируетъ, вліяніе духовенства на школы и тѣмъ самымъ, до извѣстной степени, оправдываетъ упрекъ въ малой церковности школъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія. Священнику, правда, принадлежитъ право законоучительства въ школѣ; равнымъ образомъ, духовенству присвоено наблюденіе за религіозно-нравственнымъ направленіемъ школъ. Такимъ образомъ, казалось бы, что священникъ въ начальномъ училищѣ облеченъ тѣми же правами и обязанностями, какъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. На дѣлѣ же разница выходитъ громадная, такъ какъ въ послѣднихъ священникъ-законоучитель есть должностное лицо, органически входящее въ составъ управленія заведеніемъ въ качествѣ члена его педагогическаго совѣта. Такого положенія законоучитель начальнаго училища не имѣетъ. Онъ остается для школы внѣшнимъ лицомъ, ни въ чемъ не участвующимъ въ прочихъ сторонахъ ея жизни. При такихъ условіяхъ то и другое изъ вышеупомянутыхъ правъ духовен-

ства скорѣе ослабляетъ, чѣмъ укрѣпляетъ связь школы съ церковью. Вообще говоря, отовсюду слышатся жалобы на неисправность приходскихъ священниковъ въ дѣлѣ преподаванія Закона Божія. Эта неисправность въ большинствѣ случаевъ не можетъ быть поставляема въ вину священникамъ, въ виду отвлеченія ихъ отъ преподаванія уроковъ многосторонними обязанностями по приходу, къ которымъ въ послѣднее время прибавилось еще попеченіе о церковно-приходскихъ школахъ. Но во всякомъ случаѣ какъ существованіе такой неисправности, такъ и необходимость принятія мѣръ противъ нея, не можетъ не подрывать должнаго авторитета пастырей церкви. Едва-ли согласно съ достоинствомъ священника, если ученики постоянно видятъ, что, за неприбытіемъ „батюшки“, учитель или учительница должны замѣнять его въ исполненіи его обязанности. Еще менѣе согласна съ этимъ достоинствомъ боязнь священника, какъ бы училищное начальство не пожаловалось архіерею на неаккуратное посѣщеніе имъ уроковъ, или какъ бы земство (что нерѣдко дѣлается) не уменьшило за эту неисправность получаемую законоучителемъ плату. Съ другой стороны, право наблюденія за религіозно-нравственнымъ направленіемъ школы, безъ поставленія духовенства въ органическую связь со школою, является висящею надъ школою внѣшнею угрозою, быть орудіемъ которой для духовнаго лица стѣснительно и тягостно. Поэтому, казалось бы, что наше школьное законодательство—въ примѣненіи къ школамъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія—должно быть направлено именно къ установленію этой органической связи. Наилучшею мѣрою для достиженія такой цѣли было бы, по нашему мнѣнію, принятіе за правило, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда какія-либо причины не ставятъ тому непреодолимыхъ препятствій, приходскій священникъ долженъ быть попечителемъ школъ своего прихода; при чемъ, если въ приходѣ нѣсколько священниковъ и нѣсколько школъ, то завѣдываніе школами прихода могло бы быть распредѣляемо между нѣсколькими духовными лицами. Осуществленіе этой мѣры было бы дѣйствительнымъ, истиннымъ разрѣшеніемъ спора между духовнымъ и учебнымъ вѣдомствами о правѣ завѣдыванія начальными училищами. Какъ того желаютъ защитники церковно-приходскихъ школъ, школы поступили бы въ вѣдѣніе духовенства,—не путемъ передачи ихъ изъ учебнаго въ духовное вѣдомство, а путемъ вступленія духовенства въ составъ учебнаго вѣдомства. Никакого мотива къ двураздѣльности школьной администраціи при этомъ не осталось бы, такъ какъ начальныя училища вѣдомства министер-

ства народнаго просвѣщенія превратились бы въ церковно-приходскія школы, и наоборотъ. Необходимость быть самому законоучителемъ школы, служащая нынѣ для священника источникомъ неприятностей и даже униженій, прекратилась бы; ибо если нынѣ, когда священникъ есть внѣшнее лицо по отношенію къ школѣ, было бы въ большинствѣ случаевъ неосторожно поручать преподаваніе Закона Божія свѣтскому учителю или учительницѣ, то положеніе вещей совершенно измѣнится, когда священникъ станетъ лицомъ завѣдывающимъ и руководящимъ школою, подъ наблюденіемъ котораго по закону поставленъ учитель. Равнымъ образомъ, лежащая нынѣ на духовенствѣ обязанность наблюденія за школами въ отношеніи религіозно-нравственномъ потеряетъ присущій ей нынѣ внѣшній, такъ сказать, полицейскій характеръ, когда священникъ окажется лицомъ завѣдывающимъ школою и заинтересованнымъ въ ея преуспѣяніи, а не случайнымъ и безразличнымъ посѣтителемъ или ревизоромъ, который по духу излишней ревности, быть можетъ, даже не прочь подорвать „земскую“ школу.

Предполагаемое нами дополненіе къ положенію 1874 года внесло бы въ него ту поправку, въ которой оно дѣйствительно нуждается. По идеѣ своей это положеніе нисколько не грѣшитъ противуцерковностью и даже вмѣняетъ школѣ въ первую ея обязанность религіозно-нравственное развитіе учащихся. Но ставя школу лишь во внѣшнее, такъ сказать, мертвенное отношеніе къ служителямъ церкви, оно дѣйствительно облегчаетъ возможность проникновенія народной школы слишкомъ свѣтскими, суетными цѣлями. Конечно, отъ теоретическаго безбожія, если бы даже нашлись охотники распространять его путемъ школы, ее спасетъ наблюденіе не только начальства, но и самого православнаго народа, вовсе не безразличнаго къ тому, чему учатъ его дѣтей. Но есть практическое безбожіе, сильное и въ образованномъ обществѣ и въ народѣ, которое стремится разными путями ворваться въ школу и нерѣдко даже неумышленно поощряется людьми самими по себѣ весьма благонамѣренными, но мало вникавшими въ вопросъ о задачахъ народнаго образованія. Народную школу стремятся сдѣлать то орудіемъ многознанія и того умственнаго развитія, которое поселяетъ въ ученикѣ запросы и интересы, выходящіе за его житейскій кругозоръ; то низводятъ ее до задачи удовлетворенія внѣшнихъ матеріальныхъ нуждъ, обращая въ питомникъ волостныхъ писарей, лавочниковъ и ремесленниковъ. Въ томъ и другомъ случаѣ главная цѣль школы—образованіе истинно-русскаго, добраго право-

славнаго христіанина—остается на заднемъ планѣ. Поэтому мы и видимъ—и особенно въ городскихъ мѣстностяхъ, гдѣ обильнѣе и средства умственнаго развитія и внѣшнія матеріальныя приманки,—что пріобрѣтеніе грамотности въ школѣ даетъ весьма мало нравственныхъ результатовъ. Проникнуть русскую школу духомъ религіозно-нравственнаго воспитанія есть великая задача церкви и ближайшимъ образомъ ея органовъ въ лицѣ духовенства, но задача, осуществимая не чрезъ раздѣленіе и распрю духовнаго и учебнаго вѣдомствъ, а чрезъ ихъ органическое сліяніе.

Прежде чѣмъ покончить съ этимъ вопросомъ, мы должны, однако, остановиться на двухъ возраженіяхъ, которыя, какъ мы предвидимъ, легко могутъ быть намъ предъявлены.

1. Прежде всего намъ могутъ указать на то, что при обремененіи приходскихъ священниковъ занятіями по приходу, имъ остается очень мало времени для исполненія должности попечителей школъ. Но на это мы отвѣтимъ, что хотя обязанности попечителя очень важны, и хотя для исполненія ихъ весьма существенно, чтобы попечитель былъ постояннымъ мѣстнымъ жителемъ, но въ обычномъ теченіи школьной жизни онѣ немногосложны и не отнимаютъ много времени. Исполненіе ихъ никакъ не потребуетъ отъ священника большаго числа посѣщеній школы, чѣмъ требуется отъ него теперь въ качествѣ законоучителя, съ тою разницею, что въ выборѣ времени этихъ посѣщеній онъ будетъ гораздо свободнѣе и легко можетъ пріурочить ихъ къ своимъ должностнымъ поѣздкамъ по приходу. За симъ, такъ какъ всякій трудъ—и особенно трудъ сельскаго приходскаго священника при его теперешнемъ матеріальномъ положеніи—долженъ быть вознаграждаемъ, то было бы вполне справедливо назначить попечителямъ школъ опредѣленное жалованье, къ чему не представилось бы затрудненія въ виду сбереженій, имѣющихъ послѣдовать для казны отъ уничтоженія существующей нынѣ двойственности въ управленіи школами, требующей и двойныхъ расходовъ по надзору за ними.

Неизлишне присовокупить, что въ мѣстностяхъ болѣе бойкихъ, гдѣ и школъ болѣе, и наблюденіе за ними должно быть бдительнѣе, въ облегченіе труда священника могли бы быть учреждаемы школьныя попечительства изъ благонадежныхъ и наиболѣе образованныхъ и почетныхъ мѣстныхъ жителей, приглашаемыхъ къ этой дѣятельности инспекторами народныхъ училищъ по соглашенію съ духовнымъ вѣдомствомъ и гражданскою администраціею, при чемъ приходскій священникъ получалъ бы званіе предсѣдателя такого попечительства.

Члены попечительствъ могли бы распредѣлять между собою занятія по школамъ и тѣмъ облегчать трудъ священника. Созданіе такихъ учрежденій было бы полезно и въ смыслѣ привлеченія лучшихъ общественныхъ силъ къ дѣятельности на пользу школъ и даже къ матеріальнымъ на нихъ пожертвованіямъ. Сверхъ того, при существованіи такихъ попечительствъ весьма удобно получили бы разрѣшеніе многіе вопросы, нынѣ затрудняющіе учебное вѣдомство. Школа является не единственнымъ источникомъ образованія; на ряду съ ней и въ ея подспорье и дополненіе возникаютъ—и именно въ послѣднее время съ особенною силою—различные способы внѣшкольнаго образованія въ видѣ публичныхъ чтеній для народа, народныхъ библіотекъ и читаленъ, наконецъ, прямого распространенія книгъ въ народѣ путемъ продажи и даровой раздачи. Эти способы внѣшкольнаго образованія чрезвычайно обоюдоостры, такъ какъ при помощи ихъ можетъ одинаково распространяться въ народѣ и полезная духовная пища, и смертоносный ядъ. Поэтому на обязанности правительства лежитъ установленіе надъ всѣми такими учрежденіями и дѣятельностями возможно бдительнаго и непрерывнаго контроля. Но этотъ контроль, направленный противъ небольшого числа злумышленныхъ или легкомысленныхъ радѣтелей о народномъ образованіи, ложится тяжелымъ бременемъ и на лицъ вполне благонамѣренныхъ и заслуживающихъ довѣрія, крайне замедляя открытіе народныхъ чтеній, читаленъ и библіотекъ процедурою установленныхъ предварительныхъ сношеній между разными вѣдомствами и приводя къ изданію стѣснительныхъ правилъ по управленію этими учрежденіями. Съ другой стороны, по едва-ли не главнѣйшему изъ упомянутыхъ способовъ внѣшкольнаго образованія, именно по распространенію книгъ въ народѣ, до сихъ поръ не придумано даже приблизительно цѣлесообразныхъ мѣръ надзора или руководства. Вопросъ этотъ заключается вовсе не въ одномъ пресѣченіи распространенія въ народѣ запрещенныхъ произведеній печати. Надзоръ этого рода, какія бы онъ ни представлялъ затрудненія, все же имѣетъ и опредѣленный объектъ и опредѣленный органъ. Но несомнѣнно то, что и подъ цензурнымъ флагомъ въ народѣ распространяется множество произведеній низкихъ, пошлыхъ, разлагающихъ его религіозно-нравственное міровоззрѣніе, и что въ настоящее время не существуетъ общественныхъ органовъ, которымъ съ удобствомъ и довѣріемъ могла бы быть поручена борьба противъ этого зла. Школьные попечительства, состоя, подъ предсѣдательствомъ приходскаго священника, изъ благонадежныхъ мѣстныхъ обывателей, могли бы счи-

таться вполнѣ соотвѣтственными органами для завѣдыванія и всеми вышеуказанными способами внѣшкольнаго образованія народа. Подъ ихъ наблюденіемъ народныя чтенія, бібліотеки и читальни не нуждались бы, строго говоря, ни въ какихъ правилахъ, такъ какъ эти правила исходятъ прежде всего отъ недовѣрія къ устроителямъ такихъ учрежденій. Точно также эти попечительства могли бы быть сдѣланы единственнымъ центромъ даровой раздачи книгъ мѣстному населенію и контроля за ихъ распространеніемъ путемъ продажи. Все правила для этого рода учрежденій и дѣятельности свелись бы къ изданію, по соглашенію учебнаго и духовнаго вѣдомствъ, списковъ книгъ, запрещенныхъ къ обращенію въ народѣ (хотя бы и разрѣшенныхъ общою цензурою), списковъ, издаваемыхъ для руководства школьнымъ попечительствамъ.

2. Второе возраженіе можетъ состоять въ томъ, что обязательное привлеченіе священниковъ къ должностямъ попечителей или (гдѣ это дозволяютъ мѣстныя условія) предсѣдателей школьныхъ попечительствъ является подчиненіемъ духовенства учебному вѣдомству и, слѣдовательно, несогласно съ достоинствомъ вѣдомства духовнаго, такъ какъ за неисправное исполненіе обязанностей попечителя священникъ будетъ отвѣтствовать уже не предъ епархіальнымъ, а предъ училищнымъ начальствомъ. Но на это мы отвѣтимъ, что въ нашихъ законахъ много примѣровъ того, что должностнымъ лицамъ одного вѣдомства, по ихъ должностному положенію, присвоены опредѣленные служебныя функціи въ другомъ вѣдомствѣ. Такъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ попечителей учебныхъ округовъ, генераль-губернаторамъ ввѣряются ихъ права и обязанности, чѣмъ они вводятся въ учебное вѣдомство въ качествѣ одной изъ его инстанцій. Предводители дворянства суть по своему званію предсѣдатели училищныхъ совѣтовъ и, въ этомъ качествѣ, органы учебнаго вѣдомства. Да и нынѣ приходскіе священники, по самому своему званію, суть законоучители мѣстныхъ начальныхъ училищъ, слѣдовательно состоятъ въ извѣстной служебной зависимости отъ учебнаго вѣдомства. Если во всехъ такихъ случаяхъ достоинство высшей администраціи, дворянства и духовенства не считается умаленнымъ, то не видно, почему оно будетъ умалено введеніемъ священника въ составъ учебнаго вѣдомства въ качествѣ попечителя школы. Дѣло въ томъ, что нужно различать служебную зависимость должностнаго лица, поскольку она выражается для него въ необходимости подчиняться извѣстному порядку дѣлопроизводства, отъ той служебной зависимости, которою опредѣляется

его общественное положеніе. Первая представляет собою самыя разнообразныя комбинаціи. Членъ государственнаго совѣта можетъ быть членомъ попечительнаго совѣта женской гимназіи, т. е. учрежденія, подчиненнаго попечителю учебнаго округа и отчасти губернатору. Но общественное положеніе члена государственнаго совѣта, опредѣляемое его, такъ сказать, основною должностію, выше, чѣмъ общественное положеніе попечителя учебнаго округа и губернатора. И нынѣ въ должностяхъ попечителей начальныхъ училищъ мы нерѣдко находимъ лицъ такого общественнаго положенія, которое неизмѣримо выше общественнаго положенія инспектора народныхъ училищъ. По отношенію же къ огромному большинству приходскихъ священниковъ не усматривается даже такого, чисто внѣшняго, неудобства. Для сельскаго священника званіе попечителя школы есть скорѣе повышеніе, чѣмъ уменьшеніе его значенія и авторитета въ мѣстномъ обществѣ. Ближайшая высшая въ отношеніи къ нему служебная инстанція учебнаго вѣдомства есть инспекторъ народныхъ училищъ, т. е. лицо, общественное положеніе котораго выше положенія большинства приходскихъ священниковъ и служебная подчиненность которому не включаетъ въ себѣ, слѣдовательно, ничего для священника унижительнаго.

Нѣкоторыя неудобства отъ обязательнаго совмѣщенія должности приходскаго священника съ должностію попечителя школы могутъ быть, повидимому, скорѣе предусмотрѣны для учебнаго, чѣмъ для духовнаго вѣдомства. Въ настоящее время попечитель школы, коль скоро онъ не соотвѣтствуетъ своему назначенію, можетъ быть уволенъ отъ должности губернскимъ училищнымъ совѣтомъ. Положимъ, въ этомъ порядкѣ вещей для учебной инспекціи, какъ таковой, утѣшительнаго мало, такъ какъ представленіе объ увольненіи попечителя можетъ послѣдовать не отъ инспектора, а отъ уѣзднаго училищнаго совѣта, который не всегда бываетъ склоненъ относиться къ заявленіямъ инспектора съ должнымъ вниманіемъ. Но во всякомъ случаѣ попечитель школы не можетъ считать себя за лицо безсмѣнное. Если же приходскій священникъ сдѣлается ео ipso попечителемъ школы, то эта должность обратится въ безсмѣнную дотолѣ, доколѣ епархіальное начальство не найдетъ нужнымъ смѣнить или перемѣстить приходскаго священника. Поэтому попечитель школы окажется внѣ всякой дѣйствительной зависимости отъ училищнаго начальства, которое не только не будетъ имѣть возможности освободить отъ него школу, если онъ не отвѣчаетъ своему назначенію, но

даже настоять на исполненіи своихъ требованій, если онъ не желаетъ имъ подчиниться.

Это соображеніе не лишено, конечно, существеннаго практическаго значенія; и потому соединеніе обязанностей приходскаго священника и попечителя школы не должно быть настолько расторгимымъ, чтобы лицо, завѣдомо непригодное къ исполненію второй изъ названныхъ обязанностей и, тѣмъ не менѣе, почему-либо остающееся при выполненіи первой, никоимъ образомъ не могло быть отстранено отъ школы. Какой инстанціи учебнаго вѣдомства должно быть присвоено право совершать это отстраненіе,—это вопросъ, котораго мы окончательно рѣшать не беремся. Но, конечно, такіе случаи будутъ весьма рѣдки, такъ какъ духовное начальство, безъ сомнѣнія, сдѣлаетъ все возможное для ихъ предотвращенія въ интересахъ и церкви и школы. Отъ министерства народнаго просвѣщенія должно зависѣть установленіе въ такихъ случаяхъ порядка замѣщенія остающейся свободною должности попечителя школы.

Предположенная нами мѣра, по нашему убѣжденію, удобопримѣнима и къ непосредственному завѣдыванію начальными школами, устраиваемыми для иновѣрческаго населенія Имперіи. По общему началу религіозное обученіе иновѣрцевъ ввѣряется наблюденію ихъ духовенства; но осуществленіе этого начала въ примѣненіи къ разнымъ мѣстностямъ и вѣроисповѣданіямъ весьма разнообразно. Въ губерніяхъ прибалтійскихъ евангелическо-лютеранское духовенство входитъ въ составъ учрежденій, непосредственно завѣдывающихъ школами, каковыми учрежденіями служатъ: въ Лифляндской губерніи мѣстныя правленія приходскихъ школъ, а въ Эстляндской и Курляндской—мѣстныя управленія школъ. Но эти учрежденія въ названныхъ губерніяхъ, равно какъ и само тамошнее духовенство, находятся подъ преобладающимъ вліяніемъ дворянства, вслѣдствіе чего и порядокъ завѣдыванія школами гарантируетъ тамъ главнымъ образомъ не религіозно-нравственные интересы, а интересы дворянскаго сословія. Что касается правъ римско-католическаго духовенства въ отношеніи къ школамъ въ царствѣ Польскомъ и въ западномъ краѣ, то эти права ограничиваются лишь законоучительствомъ: училища же для дѣтей евангелическо-аугсбургскаго и реформатскаго исповѣданій въ царствѣ Польскомъ состоятъ въ вѣдѣніи консисторій (св. зак. т. XI, ч. I, ст. 3671). За симъ порядокъ управленія протестантскими и католическими школами въ прочихъ мѣстностяхъ Имперіи (Фин-

ляндію мы, конечно, оставляемъ въ сторонѣ) представляетъ собою нѣчто крайне неурегулированное въ смыслѣ законодательномъ. Школы эти слагаются изъ двухъ главныхъ категорій: школъ въ селеніяхъ бывшихъ иностранныхъ колонистовъ, которыя переданы въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія по Высочайшему повелѣнію 2-го мая 1881 г., и учрежденныхъ духовенствомъ, такъ называемыхъ церковныхъ школъ, подчиненныхъ названному министерству Высочайшими повелѣніями: лютеранскія 22-го ноября 1890 г. и католическія 10-го декабря 1892 г. Но строго различить бывшія колонистскія и церковныя школы невозможно, такъ какъ и въ селеніяхъ колонистовъ школы часто учреждались духовенствомъ: такимъ образомъ, напримѣръ, колонисты Петербургской губерніи обучались въ церковныхъ школахъ, которыя поступили подъ надзоръ учебнаго вѣдомства вмѣстѣ съ прочими лютеранскими церковными школами лишь въ 1890 г.

Особенность той и другой категоріи школъ заключается въ томъ, что онѣ возникли безъ всякаго указанія закона: послѣдній въ отношеніи колонистскихъ школъ замѣнялся распоряженіями министерства государственныхъ имуществъ, въ которомъ состояли иностранные поселенцы, а въ отношеніи церковныхъ школъ—распоряженіями приходскаго духовенства, самовластно присвоившаго себѣ право быть учредителями школъ. Образъ управленія бывшими колонистскими школами и доселѣ не имѣетъ никакого опредѣленія въ законѣ: единственный относящійся до нихъ законъ, испрошенный министерствомъ народнаго просвѣщенія, есть законъ 24-го февраля 1897 г., по которому министерству предоставлено вводить въ нихъ преподаваніе всѣхъ предметовъ, кромѣ вѣроученія и роднаго языка, на языкѣ русскомъ. Еще ранѣе того министерство народнаго просвѣщенія признало себя въ правѣ издать распоряженіе о томъ, чтобы учителя этихъ школъ назначались инспекторами народныхъ училищъ. Но порядокъ непосредственнаго завѣдыванія этими школами не установленъ. Такъ какъ онѣ подведены подъ положеніе 1874 г., то при нихъ нѣтъ должностей попечителей, но фактически эти школы находятся подъ преобладающимъ вліяніемъ духовенства.

Относительно такъ называемыхъ церковныхъ школъ министерство народнаго просвѣщенія стоитъ на той точкѣ зрѣнія, что учредителемъ и распорядителемъ въ нихъ не можетъ считаться приходъ, такъ какъ, какъ уже упомянуто, права учреждать школы и завѣдывать ими лютеранскимъ и католическимъ приходамъ законъ не предостав-

ляетъ. За симъ относительно порядка завѣдыванія католическими школами никакихъ дальнѣйшихъ указаній не послѣдовало. Что же касается лютеранскихъ школъ, то министерство народнаго просвѣщенія разъяснило, что онѣ должны быть управляемы примѣнительно къ уставу приходскихъ училищъ 1828 г., слѣдовательно, состоятъ въ завѣдываніи одного изъ учителей; и стало быть въ нихъ, какъ въ школахъ по положенію 1874 г., функція духовенства сводится къ законоучительству.

Армянскія школы въ мѣстностяхъ внѣ Кавказа находились до самаго послѣдняго времени внѣ всякаго отношенія къ нимъ учебнаго вѣдомства; онѣ переданы въ это вѣдомство лишь закономъ 2-го іюня 1897 г., и никакого распоряженія объ ихъ организаціи и управленіи еще не послѣдовало. На Кавказѣ же армяне обучались или въ обычныхъ начальныхъ училищахъ, всецѣло подчиненныхъ училищному начальству, или же въ церковно-приходскихъ школахъ, учрежденныхъ при церквахъ и монастыряхъ по закону 16-го февраля 1884 г. и изъятыхъ изъ подъ власти министерства народнаго просвѣщенія. Впослѣдствіи оказалось, однако, что армянскому духовенству удалось захватить въ свое завѣдываніе, подъ видомъ церковно-приходскихъ школъ, множество школъ, въ содержаніи которыхъ церкви и монастыри не принимаютъ никакого участія, вслѣдствіе чего потребовалось распоряженіе о передачѣ этихъ школъ въ учебное вѣдомство. За симъ, въ виду упорнаго племенного и религіознаго сепаратизма, разсадникомъ котораго оказались школы, устроенныя по правиламъ 1884 г., и эти школы были переданы въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія (законъ 2-го іюня 1897 г.) на общихъ основаніяхъ съ прочими начальными училищами.

Сказанное относится къ армянскимъ школамъ григоріанскаго толка, къ которому принадлежитъ подавляющее большинство русскихъ армянъ. Немногія существующія въ Россіи армяно-католическія школы, равно какъ школы сиро-халдейскія, переданы въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія по Высочайшему повелѣнію 28-го ноября 1896 г.

Начальныя школы для мусульманскаго населенія находятся въ огромномъ большинствѣ своемъ внѣ фактическаго наблюденія министерства народнаго просвѣщенія. По закону всѣ эти школы (кромѣ школъ Таврической губерніи) подчинены учебному вѣдомству, но многія причины, разсмотрѣніе которыхъ завело бы насъ слишкомъ далеко, препятствовали и препятствуютъ правительственной власти

распространить на нихъ свой дѣйствительный контроль. Такимъ образомъ начальное образованіе русскихъ магометанъ донинѣ находится почти въ исключительномъ попеченіи духовенства. Небольшое, сравнительно съ потребностью, число содержимыхъ правительствомъ русско-магометанскихъ школъ представляетъ собою учебныя заведенія, находящіяся всецѣло въ вѣдѣніи свѣтскаго училищнаго начальства.

Наконецъ, для евреевъ, въ мѣстахъ ихъ осѣлости, существуютъ еврейскія начальныя училища, въ которыхъ функція духовенства ограничивается вѣроученіемъ. Для исключительно же религіознаго назиданія еврейскихъ мальчиковъ служатъ многочисленные такъ называемые хедеры; открывать такой хедеръ предоставлено всякому еврею, который въ состояніи внести 3 р. за разрѣшительное свидѣтельство.

Изъ русскихъ язычниковъ только за ламаитами признается известное право церковнаго самоуправленія. Большинство школъ для ламаитовъ находится среди калмыковъ и состоитъ до настоящаго времени въ вѣдѣніи министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.

Изъ изложеннаго видно, что рѣшительное сосредоточеніе начального обученія иновѣрцевъ въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія есть, въ сущности, дѣло послѣдняго времени; что если оно юридически почти закончено, то фактически, въ смыслѣ распространенія на нихъ дѣйствительнаго надзора учебнаго вѣдомства, оставляетъ еще желать многого; и что законодательная регламентація устройства и порядка управленія этихъ школъ, въ отношеніи многихъ категорій ихъ, до настоящаго времени отсутствуетъ. Но во всякомъ случаѣ общее свойство современнаго положенія вещей въ этихъ школахъ таково, что правительство или беретъ ихъ въ свое непосредственное завѣдываніе, оставляя за духовенствомъ подлежащаго вѣроисповѣданія лишь право и обязанность законоучительства, или же оставляетъ школы всецѣло на попеченіи духовенства, почти или совсѣмъ не вмѣшиваясь въ управленіе ими. И тотъ и другой образъ дѣйствій мы считаемъ ошибочнымъ. Опытъ показываетъ, что къ школамъ, въ управленіи которыми иновѣрческое духовенство не принимаетъ участія, оно относится съ недружелюбіемъ, которое, если не проявляется открыто (хотя бываютъ и такія проявленія, и даже въ очень рѣзкой формѣ), то выражается въ тайномъ противодѣйствіи школѣ, во враждебномъ вліяніи на прихожанъ, въ стремленіи создать внѣшкольные способы ученія подъ видомъ церковныхъ бесѣдъ, под-

готовленія къ конфирмаціи и т. под. Жертвами такой явной или скрытой оппозиціи духовенства правительственной школъ являются въ концѣ концовъ ея ученики, которые, смотря по тому, чье вліяніе пересилить, или отрѣшаются отъ школы, а слѣдовательно отъ проводимыхъ ею началъ обрусенія, или отъ религіозно-нравственнаго вліянія вѣроученія, проводникомъ котораго является пасторъ, ксендзь, мулла или раввинъ. Одинаково прискорбенъ и тотъ и другой результатъ,—какъ образованіе чрезъ русскую же школу врага русской народности, такъ и поглощеніе въ нѣдра этой народности религіознаго отщепенца и скептика, потерявшаго вѣру своихъ отцовъ и не нашедшаго себѣ другой. Съ другой стороны, и полное предоставленіе образованія въ руки иновѣрческихъ религіозныхъ наставниковъ, при отсутствіи или фиктивности какого-либо контроля правительственной власти, также не можетъ считаться явленіемъ нормальнымъ. Терпимость къ иновѣрію не есть терпимость ко всему тому, что, подъ прикрытіемъ иновѣрія, можетъ быть внушаемо и преподаваемо юношеству. Поэтому, такъ какъ не подлежитъ сомнѣнію, что съ религіозными ученіями русскихъ иновѣрцевъ, въ силу историческихъ преданій, нерѣдко тѣсно связываются извѣстныя политическія и племенные тенденціи, то правительство обязано принимать мѣры къ тому, чтобы обуздывать эти тенденціи и въ особенности мѣшать имъ проникать въ школу. Цѣль нашего закона о вѣротерпимости, прекрасно указанная въ самомъ этомъ законѣ, состоитъ только въ томъ, чтобы всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славилы Бога Всемогущаго разными языки по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ (Св. Зак. Т. I ч. I Осн. Гос. Зак. ст. 45), и задача правительственнаго контроля надъ иновѣрческою школою именно въ томъ и заключается, чтобы эта школа пользовалась предоставленною ей религіозною терпимостью лишь въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ.

Правильнымъ исходомъ изъ такого положенія вещей слѣдуетъ и здѣсь считать принятіе надлежащихъ мѣръ къ тому, чтобы лица иновѣрческаго духовенства изъ оппонентовъ учебнаго вѣдомства и отщепенцевъ отъ него сдѣлались его отвѣтственными органами по непосредственному завѣдыванію школами соотвѣтствующихъ вѣроисповѣданій въ качествѣ попечителей школъ или—гдѣ будетъ признано удобнымъ образованіе школьныхъ попечительствъ—предсѣдателей послѣднихъ. Принципіально осуществленіе этого предположенія столь же мало можетъ встрѣтить возраженіе, какъ и привлеченіе православнаго духовенства къ дѣлу непосредственнаго завѣдыванія пра-

вославными школами. Главною задачею иновѣрческой школы, какъ и православной, должно быть религіозно-нравственное воспитаніе, которое есть воспитаніе не въ правилахъ какой-то отвлеченной естественной религіи, а въ правилахъ религіи положительной, данной въ опредѣленныхъ, выработанныхъ исторіею, формахъ. Если, кромѣ господствующей православной вѣры, русское государство признаетъ права другихъ вѣроученій и не стремится во что бы то ни стало обратить всѣхъ своихъ подданныхъ въ православіе, то, стало быть, оно признаетъ необходимость такого религіозно-нравственнаго воспитанія для католика, протестанта, армяно-григоріанца, мусульманина, еврея, которое было бы воспитаніемъ въ правилахъ именно его вѣры, при чемъ авторитетное руководство въ ней, не только въ смыслѣ ея преподаванія, но и въ смыслѣ наблюденія за всѣмъ складомъ школьной жизни, принадлежитъ лишь ея признанному вѣроучителю. Такимъ образомъ возражать противъ этой мѣры можно не съ точки зрѣнія принципа, а лишь съ точки зрѣнія практической ея опасности для государственно-національнаго строя Россіи. Иновѣрцы составляютъ не менѣе одной трети населенія Россіи. Эта треть населенія включаетъ въ себѣ племена, весьма упорныя въ сохраненіи особенностей своей культуры и, если не всегда враждебныя Россіи въ смыслѣ государственномъ, то всегда склонныя къ сепаратизму духовному. Нужно къ этому прибавить, что русскіе иновѣрцы, и при томъ не только христіане, но и не-христіане (магометане и евреи), по большей части превосходятъ православныхъ уровнемъ начальнаго образованія. Казалось бы, что при этихъ условіяхъ усиливать законное вліяніе иновѣрческаго духовенства на школу едва ли цѣлесообразно. Но дѣло въ томъ, что превращеніе существующаго вліянія этого рода во вліяніе упорядоченное закономъ и контролируемое правительственною властью именно и приведетъ къ ослабленію всѣхъ тѣхъ его сторонъ, которыя нынѣ представляются вредными. Теперь, когда правительственная школа есть школа свѣтская, ксендзь, пасторъ или мулла могутъ изображать ее въ глазахъ своей паствы, какъ учрежденіе, отъ религіи послѣдней отрѣшенное, а при преувеличеніи — даже какъ враждебное этой религіи. Но какъ могутъ они изображать въ такомъ видѣ школу, которою сами завѣдываютъ? Внутренній убѣдительный для паствы мотивъ къ восстановленію ея противъ правительственной школы при этомъ отпадаетъ. Отпадаетъ онъ даже для самого вѣроучителя, коль скоро онъ видитъ, что установленная закономъ организація школьнаго управленія не только не приноситъ малѣйшаго ущерба его влія-

нію на учащихся въ качествѣ духовнаго пастыря, но напротивъ, всемѣрно облегчаетъ это вліяніе, пресѣкая лишь возможность превращенія религіи въ орудіе племенного или политическаго сепаратизма. Но если даже допустить, что духъ такого сепаратизма совершенно не искоренимъ въ средѣ иновѣрнаго духовенства (чего мы не думаемъ, такъ какъ это значило бы предполагать полное отсутствіе въ цѣломъ сословіи людей, нерѣдко достопочтенныхъ, началъ истинной религіозности), то этому духу, при обращеніи названнаго духовенства въ органъ учебнаго вѣдомства, будетъ пресѣчена внѣшняя возможность обнаруженія. За безпорядокъ въ школѣ или дурное направленіе ея учителей и учениковъ отвѣчаетъ ея попечитель передъ начальствомъ, какъ должностное лицо. И такъ какъ, безъ сомнѣнія, и надзоръ за иновѣрческими школами долженъ быть особенно бдительный, и отвѣтственность за нихъ лицъ, ими завѣдывающихъ—особенно серьезная и угрожающая имъ въ случаѣ неисполненія ими ихъ обязанностей весьма неудобными для нихъ послѣдствіями, то вредить школѣ для нихъ будетъ значить рисковать собственной участью;—чего нынѣ нѣтъ, такъ какъ за общее состояніе школы своего раіона иновѣрное духовное лицо въ настоящее время не отвѣчаетъ. Конечно, всегда найдутся люди настолько озлобленные и фанатическіе, что никакой страхъ отвѣтственности не удержитъ ихъ отъ дѣйствій враждебныхъ установленному порядку. Но такихъ людей всегда и вездѣ меньшинство и меньшинство тѣмъ болѣе слабое, чѣмъ этотъ порядокъ менѣе стѣсняетъ законную сферу ихъ дѣятельности. Опытъ показываетъ, что въ большей части случаевъ лучшее средство обуздать незаконныя притязанія чловѣка состоитъ въ томъ, чтобы самого его сдѣлать однимъ изъ членовъ какой-либо административной организаціи. Либеральныя и даже нерѣдко революціонныя стремленія студента обыкновенно кончаются тогда, когда онъ смѣняетъ студенческій сюртукъ на вицъ-мундиръ чиновника. Правда, онъ, по привычкѣ, продолжаетъ еще нѣкоторое время повторять прежнія фразы, но потомъ и эта привычка прекращается. Въ сущности религіозная и племенная исключительность и отщепенство людей питаются и поддерживаются тѣмъ, что ихъ держатъ въ состояніи отщепенства. Основываясь на общихъ свойствахъ чловѣческой природы, всегда позволительно ожидать отъ большинства людей какого бы то ни было званія и сословія средняго, обычнаго уровня благоразумія. Поэтому, не отрицая возможности единичныхъ проявленій фанатизма, нетерпимости и даже противуправительственныхъ выходокъ со стороны иновѣрческаго духовенства при

любомъ порядкѣ управленія школами, мы полагаемъ, что наименьшій внѣшній просторъ и наименьшее внутреннее побужденіе къ такимъ дѣйствіямъ будетъ при томъ порядкѣ, когда это духовенство будетъ привлечено къ завѣдыванію школами въ качествѣ органа учебнаго вѣдомства.

Защищая это положеніе, мы не думаемъ отрицать, что осуществленіе предположенной мѣры требуетъ постепенности и осторожности. Приступомъ къ тому должны служить нѣкоторыя подготовительныя мѣропріятія. Для того, чтобы иновѣрческое духовенство стало способно сдѣлаться органомъ учебнаго вѣдомства, оно должно прежде всего само быть вообще приведено въ болѣе подчиненное положеніе контролю правительственной власти, какъ въ отношеніи порядка назначенія на должности, такъ и въ смыслѣ вполне согласной съ видами правительства подготовки къ своей дѣятельности. Обсужденіе перваго вопроса мы оставляемъ на долю людей, болѣе свѣдущихъ въ томъ, что можно сдѣлать въ этомъ направленіи безъ нарушенія свободы даннаго вѣроисповѣданія. Что же касается втораго вопроса, то по поводу его считаемъ нужнымъ замѣтить слѣдующее. Единственнымъ центромъ богословскаго протестантскаго образованія въ Россіи служитъ понынѣ юрьевскій, бывшій дерптскій, университетъ, богословскаго факультета котораго почти вовсе не коснулись мѣры правительства, направленные къ разнѣмеченію прибалтійскаго края. Вслѣдствіе того протестантское духовное сословіе почти во всей Россіи остается по языку и духу нѣмецкимъ, что не согласно не только съ интересами русскаго государства, но и съ интересами большинства протестантовъ Россіи, принадлежащаго не къ нѣмецкому, а къ финскому и литовскому племенамъ (латышамъ). Эти послѣднія части протестантскаго населенія, не имѣющія ни политическаго прошлаго, ни самостоятельнаго культурнаго центра, къ которому онѣ духовно примыкали бы, и какимъ для русскихъ нѣмцевъ является Германія, ни своей собственной интеллигенціи, и слѣдовательно, гораздо менѣе способны отстаивать свою племенную самостоятельность противъ вліянія обрусенія, продолжаютъ и теперь приноситься на жертву германизму, такъ какъ ихъ руководители воспитываются въ нѣмецкомъ духѣ, укрѣпляясь въ немъ своимъ пребываніемъ въ самомъ центрѣ германизаторскихъ преданій. Перемѣщеніе богословскаго факультета изъ Юрьева въ русскій городъ, гдѣ протестантское населеніе гораздо болѣе обрусѣло, и введеніе въ немъ преподаванія на русскомъ языкѣ, безъ сомнѣнія привело бы въ будущемъ къ совершенно иному настрое-

нію лютеранскаго духовенства въ отношеніи къ господствующей въ Россіи народности.

За симъ неудовлетворительная, съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, подготовка римско-католическаго духовенства въ католическихъ духовныхъ семинаріяхъ есть также фактъ безспорный и общеизвѣстный. Эти учебно-воспитательныя заведенія, требующія особенно бдительнаго контроля правительственной власти, въ дѣйствительности изъ всѣхъ русскихъ учебно-воспитательныхъ заведеній подчинены наименьшей мѣрѣ такого контроля. Послѣдствіемъ того является подготовка въ нихъ юношества не въ духѣ католицизма, а въ духѣ упорной и закоренѣлой польщизны. Римско-католическая церковь, это столь уважительное учрежденіе, представляющее собою изъ всѣхъ инославныхъ церковныхъ союзовъ наибольшее сродство съ церковію православною, на горе Росіи предстоить ей всегда во враждебномъ польскомъ обличіи, въ образѣ нашего политическаго врага. Рѣшительныя мѣры къ превращенію польскихъ католическихъ семинарій въ русскія учебно-воспитательныя заведенія, не заключаая въ себѣ ничего противнаго догматамъ римско-католическаго вѣроученія, являются настоятельною необходимостью въ интересахъ государственныхъ. Почему русскій католическій священникъ долженъ быть непременно воспитанъ какъ полякъ, когда между католиками Россіи есть и литовцы, и нѣмцы, и бѣлоруссы? Католицизмъ также искусственно отождествляется у насъ съ полячествомъ, какъ протестантизмъ съ нѣмечествомъ, но послѣдствія перваго отождествленія—по весьма понятнымъ причинамъ—и въ политическомъ и въ національномъ отношеніи для насъ гораздо опаснѣе.

Образованіе армяно-григоріанскаго духовенства также всецѣло изъято изъ подъ правительственнаго контроля. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ходили слухи о какихъ-то проектахъ преобразованія въ этой области, но послѣдствія, повидимому, ихъ не оправдали.

Наконецъ, мы не усматриваемъ достаточныхъ основаній, почему русское правительство не могло бы способствовать устройству правильно-организованныхъ и стоящихъ на потребной педагогической и научной высотѣ учебныхъ заведеній для подготовки еврейскихъ и магометанскихъ учителей вѣры—раввиновъ и муллъ. Хотя въ настоящее время для занятія этихъ должностей установленъ извѣстный образовательный цензъ—для первыхъ болѣе значительный, для вторыхъ совсѣмъ ничтожный, но онъ не является, конечно, гарантіею ихъ спеціальной подготовки. Между тѣмъ, это вопросъ, заслуживающій се-

рѣзнаго вниманія. Не подлежитъ сомнѣнію, что еврейское и магометанское вѣроученіе оба допускаютъ, въ зависимости отъ образованія ихъ духовныхъ учителей, какъ пониманіе грубое, чисто традиціонное, чуждающееся всякой науки и философіи, такъ и пониманіе болѣе возвышенное и философское. Для Россіи, съ ея сравнительно многочисленнымъ еврейскимъ и мусульманскимъ населеніемъ, весьма существенно способствовать водворенію именно второго вида пониманія, ибо лишь этимъ путемъ въ составъ еврейскихъ и магометанскихъ вѣроучителей могутъ быть привлечены лица образованныя, способныя войти въ умственное соприкосновеніе съ русскимъ образованнымъ обществомъ и тѣмъ самымъ постепенно содѣйствовать духовному сближенію всей массы своихъ единовѣрцевъ съ русскою народностью. Поэтому учрежденіе такихъ еврейскихъ и магометанскихъ богословскихъ училищъ, въ которыхъ молодые люди соотвѣтственнаго вѣроисповѣданія, изучая предметы своей вѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ получали бы общее образованіе въ русскомъ духѣ, заслуживало бы всемѣрнаго поощренія.

По нашему мнѣнію, осуществленіе вышеизложеннаго предположенія согласовало бы интересы учебнаго вѣдомства и духовенства или вѣроучителей не только господствующаго, но и всѣхъ признаваемыхъ закономъ вѣроисповѣданій Имперіи, въ ихъ отношеніяхъ къ дѣлу нашего начальнаго образованія,—при томъ не тѣ мнимые интересы, которые вытекаютъ изъ стремленія того или иного вѣдомства захватить школу въ свою власть, но ея дѣйствительные, истинные интересы, неразрывно связанныя съ общеобразовательной и религіозно-нравственной задачею школы.

Н. Г. Дебольскій.

